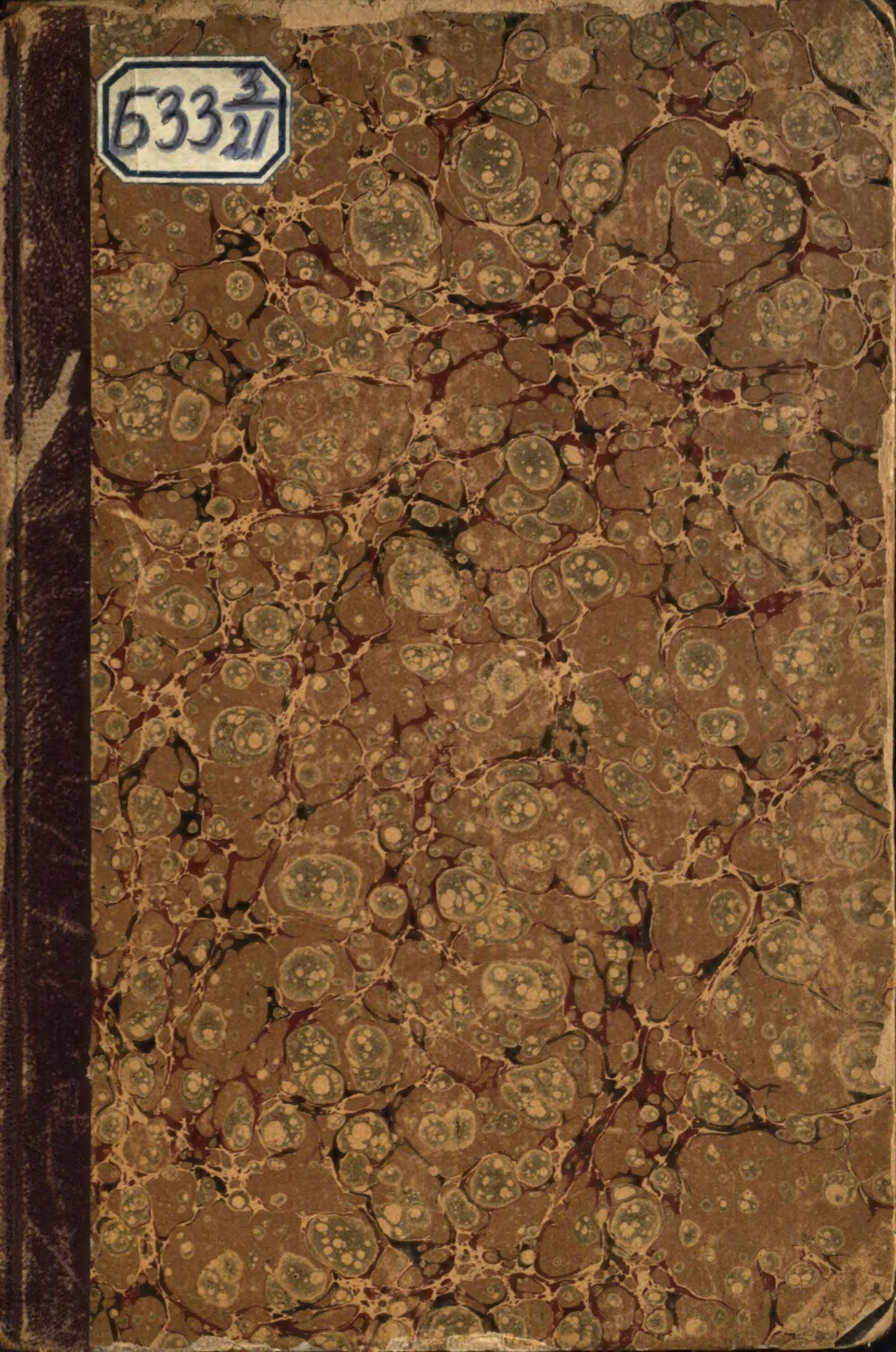
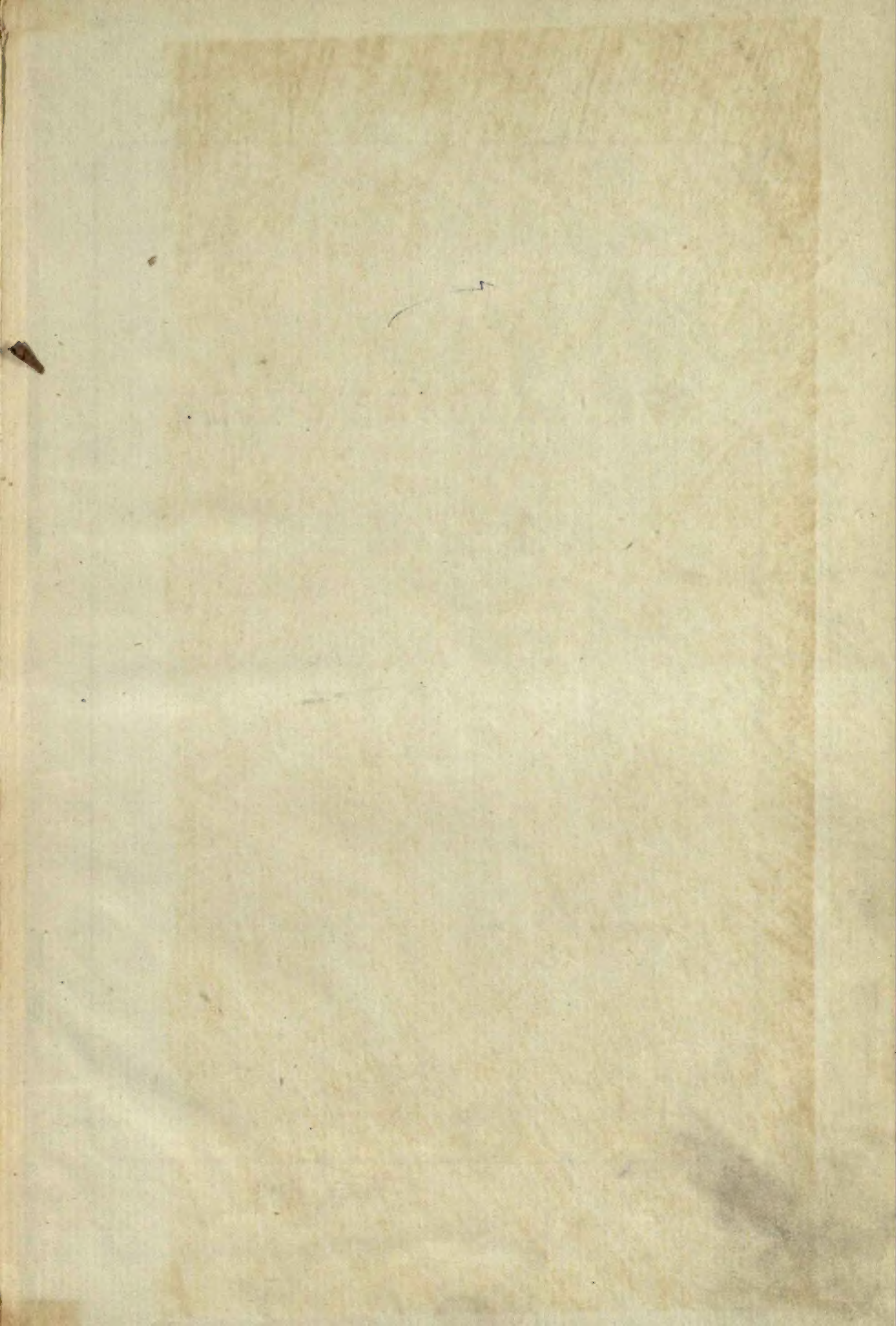

Б33 3/21

Б 33 3/21

50 к.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ГЛИНКА

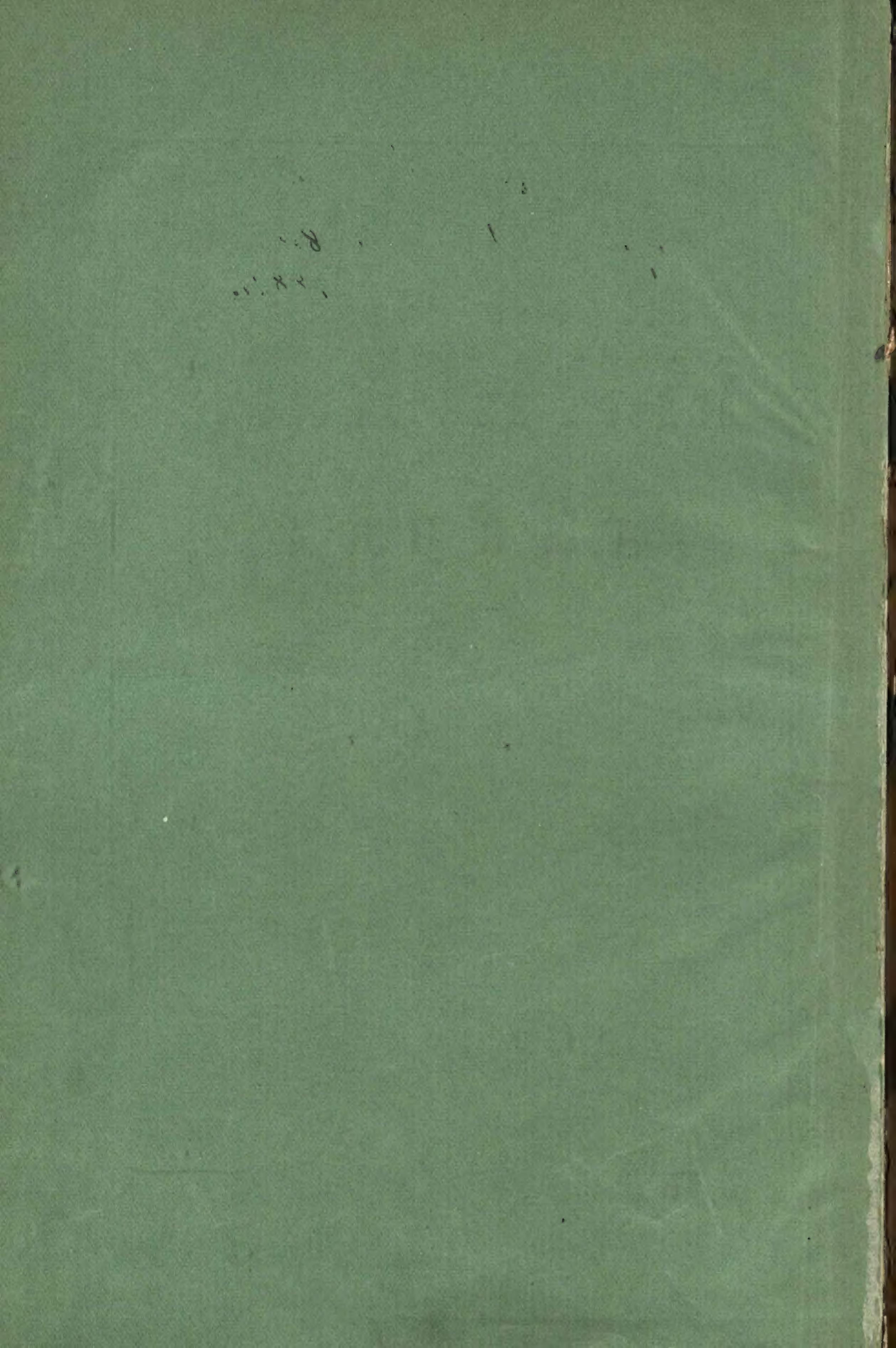
† 1880 года 11 февраля.

А. К. Жизневскій.

(Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 8 ноября 1889 года).

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890 Г.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГЛИНКА

† 1880 года 11 февраля.

А. К. Жизневскій.

(Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 8 ноября 1889 года).

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890 Г.

Довв. цензур. 6 февраля 1890 года. Тверь.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº въ Москвѣ

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

† 1880 ГОДА 11 ФЕВРАЛЯ.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

† 1880 года 11 февраля [1]).

I.

Біографическій очеркъ.

Поводъ къ составленію некролога Ѳ. Н. Глинки. Предсѣдатель Императорскаго Московскаго археологическаго общества, графиня П. С. Уварова, поручила мнѣ составить некрологъ Ѳедора Николаевича Глинки, какъ бывшаго члена этого общества. Знакомство мое съ Ѳедоромъ Николаевичемъ, начавшееся съ 1851 года, его расположеніе и довѣріе ко мнѣ, выразившіяся въ избраніи меня своимъ душеприказчикомъ, по одному частному завѣщанію, не позволили мнѣ отказаться отъ этого порученія.

Статьи, посвященныя Ѳ. Н. Имя Ѳедора Николаевича Глинки, какъ писателя, сдѣлалось достояніемъ Исторіи Русской Литературы. Сочиненія его въ свое время имѣли большой успѣхъ. Бѣлинскій, находя поэтическое дарованіе Глинки одностороннимъ, тѣмъ не менѣе отдаетъ должное стихамъ этого необыкновенно искренняго поэта. «Вы знаете, говоритъ критикъ,—какъ благоуханны цвѣты его поэзіи, какъ нравственно и свято его художественное направленіе: это хоть

---

[1]) Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Урхивной Коммиссіи 9 ноября 1889 года.

кого обезоружитъ» [1]). Краткій очеркъ жизни Ѳедора Николаевича (некрологъ) помѣщенъ въ Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1880 годъ въ № 6; въ томъ же году въ Историческомъ Вѣстникѣ, т. 2, напечатана статья А. П. Милюкова «Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (біографія его), а въ 1888 году [2]), помѣщена о немъ статья въ журналѣ «Нива» за 1888 годъ, подъ заглавіемъ «Ѳ. Н. Глинка, по поводу сотой годовщины со дня его рожденія». Мнѣ остается представить заслуги его по археологіи и значеніе его, какъ члена Московскаго археологическаго общества, съ 28 апрѣля 1869 года по 11 февраля 1880 года. Тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ коснуться вкратцѣ и біографіи его.

Семья и родина Ѳ. Н. Ѳедоръ Николаевичъ Глинка родился въ 1786 году 8 іюня [3]), какъ значится въ метрическихъ книгахъ духовной консисторіи, въ Духовщинскомъ

---

[1]) О литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки см. особое приложеніе.

[2]) Во время жизни Ѳ. Н. Глинки были напечатаны объ немъ статьи: 1) *Ѳ. Н. Глинка*. Біографическій очеркъ.—Русскій художественный листокъ 1858 г. № 7, 2) *Нѣсколько словъ, о литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки.—Н. В. Путята*—Чтенія въ общ. любителей Россійск. слов. (1867). Вып. I., 3) *Письмо въ редакцію Н. Варнека*—Библіотека для чтенія 1862 г. № 5 и отъ редакціи тамъ же, 4) Публичное засѣданіе общ. любителей словесн. (о 50-лѣтнемъ юбилеѣ кн. П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки). Статья П. Щ. Московскія вѣдомости 1886 г. № 45.

[3]) Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о времени рожденія Ѳ. Н. Глинки является большая неточность. Въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, сказано, что онъ умеръ на 96 году отъ роду, стало быть родился въ 1784 г.; въ словарѣ Толя показанъ годъ его рожденія 1788; а въ формулярномъ его спискѣ, хранящемся въ Тверскомъ Губернскомъ Правленіи, составленномъ въ 1830 году, ему показано 40 лѣтъ, поэтому годъ рожденія будетъ

уѣздѣ Смоленской губерніи, въ с. Сутокахъ. Отецъ его, Николай Ильичъ Глинка, отставной капитанъ, пользовался тамъ большимъ уваженіемъ, а мать его, Анна Яковлевна, была урожденная Шаховская. Императрица Екатерина II, во время своего путешествія по Бѣлоруссіи въ 1781 году, посѣтила домъ его родителей и собственноручно записала старшаго его брата Сергѣя Николаевича въ Сухопутный Кадетскій корпусъ.

Болѣзненность Ѳ. Н. Ѳ. Н. Глинка, какъ пишетъ онъ о себѣ, съ дѣтства былъ очень болѣзненъ и перестрадалъ едвали не всѣми болѣзнями [1]). Дѣтское тѣло его покрывалось часто сыпями; иногда онъ весь бывалъ обложенъ какъ корою. Страдалъ также поносами и кровотеченіями изъ носу, до того сильными, что, какъ говорится, исходилъ кровью. Съ поступленіемъ въ кадетскій корпусъ, пошли на тѣлѣ у него чирьи и глаза отъ занятій науками жестоко заболѣли. Не взирая на такую болѣзненность въ дѣтствѣ, Ѳ. Н. переносилъ впослѣдствіи очень легко всѣ походы, безсонныя ночи, холодъ, голодъ и усталость. Было одно у него лекарство для всего—это чудесный сонъ, возстановлявшій силы. Этотъ сонъ доходилъ до сонливости. Онъ могъ спать во всякое время. Кто бы могъ подумать, что такой хилый организмъ вынесетъ сильныя потрясенія въ жизни и проживетъ почти столѣтіе.

1790; между тѣмъ какъ въ томъ же спискѣ значится, что въ 1802 г. Глинка выпущенъ изъ Кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ; значитъ 12 л. отъ роду, что невѣроятно. Такая неточность въ опредѣленіи года рожденія, быть можетъ, произошла отъ того, что покойный не любилъ давать отвѣтъ, когда его спрашивали: сколько ему отъ роду лѣтъ. Однажды на такой вопросъ онъ отвѣчалъ: „Богъ создалъ время, а люди выдумали годы“.

[1]) Собственноручная записка Ѳ. Н., обязательно присланная мнѣ Д. А. Тихменевою вмѣстѣ съ другими бумагами.

Пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ. Въ корпусѣ Ѳ. Н. шелъ по наукамъ очень быстро. Память у него была чудная, она уступила потомъ мѣсто воображенію и самому пламенному, а то, усмиренное изученіемъ математики, продолжаетъ Ѳ. Н., перешло въ разсужденіе. Получая въ корпусѣ полные баллы по математикѣ, Ѳедоръ Николаевичъ, однако. не чувствовалъ наклонности къ точнымъ наукамъ, а увлекался страстью къ литературѣ и, въ особенности, къ поэзіи. Обстоятельства дѣтства и первой молодости Ѳедора Николаевича Глинки не могли не повліять на характеръ и направленіе его будущихъ произведеній. Тогдашній преподователь Закона Божія, отецъ Михаилъ, въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій, имѣлъ такое сильное вліяніе на своихъ слушателей, что кадеты того выпуска, къ которому принадлежалъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, при выходѣ изъ корпуса, дали другъ другу клятву быть людьми честными и служить царю вѣрой и правдою [1]). Изъ Кадетскаго корпуса Ѳ. Н. выпущенъ въ 1802 году по назначенію Великаго Князя Константина Павловича въ Апшеронскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ.

Походы. Въ 1805—1806 г.г. Ѳ. Н. Глинка находился въ походѣ противъ Французовъ, состоя адъютантомъ при генералѣ Милорадовичѣ, командовавшемъ отдѣльной бригадой, и участвовалъ въ несчастной битвѣ при Аустерлицѣ.

Занятія исторіей и литературою. По окончаніи компаніи Ѳедоръ Николаевичъ 11 сентября 1806 г. вышелъ въ отставку, по болѣзни, и удалился въ свою родовую деревню. 30 января 1807 г. дворянство избрало его въ ополченіе сотеннымъ начальникомъ, а 17 ноября 1811 г. губернскимъ начальствомъ поручено ему содѣйствовать Высочайше утвержденному Обществу исторіи и древностей Россійскихъ. Въ это

---

[1]) Русскій художеств. листокъ, издаваемый В. Тимомъ, 1858 г. № 7.

время онъ занимался науками и литературою; въ 1810 и 1811 годахъ путешествовалъ по Смоленской и Тверской губерніямъ; кромѣ того посѣтилъ Кіевъ и совершилъ плаваніе по Волгѣ.

Вторичное вступленіе въ армію. 1812 годъ прервалъ мирныя занятія Ѳ. Н. науками и литературою. Съ приближеніемъ непріятеля къ Смоленской губерніи, получивъ по эстафетѣ письмо съ вызовомъ на службу отъ генерала Милорадовича, изъ Калуги, который тамъ собиралъ войска, Ѳ. Н. оставилъ свое имѣніе Сутоки на произволъ судьбы и поскакалъ въ армію. Онъ поступилъ снова въ прежній пѣхотный Апшеронскій полкъ и также адъютантомъ къ Милорадовичу [1]). Состоя при этомъ генералѣ, извѣстномъ своею рыцарскою храбростію, Ѳ. Н. участвовалъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ до заключенія перемирія съ непріятелемъ 25 мая 1813 г., послѣ взятія нашими войсками Парижа.

Военныя отличія и «Письма русскаго офицера». За военныя заслуги Глинка награжденъ въ 1812 г. орденомъ св. Владиміра 4 степени и золотою шпагою за храбрость, въ 1813 г. въ чинѣ поручика, орденомъ св. Анны 2 степ. и Прусскимъ орденомъ за военныя заслуги. Онъ получилъ также Баденскій орденъ и отъ Прусскаго Короля драгоцѣнный перстень. Но лучшею заслугою Ѳ. Н. предъ русскимъ народомъ были «Письма русскаго офицера» съ театра двухъ войнъ съ Наполеономъ 1805—1806 и 1812 г.г. Великія событія, коихъ Ѳ. Н. привелось быть очевидцемъ, и особенность его таланта сдѣлали его народнымъ писателемъ и истолкователемъ народныхъ чувствъ. Вся Россія, читая его «Письма», не только

---

[1]) Послѣ Ѳ. Н. Глинки сохранился у одной родственницы его жены Д. А. Тихменевой, портретъ его, сдѣланный перомъ во время похода 1813 г. и подписанный Милорадовичемъ.

видѣла передъ собою, но и переживала вмѣстѣ съ ихъ авторомъ всѣ важнѣйшіе моменты отечественной войны: и геройскую оборону, и пожаръ Смоленска, и грозную картину Бородинской битвы, столь художественно описанную потомъ въ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія».

Служба въ Петербургѣ. По окончаніи войны, Ѳ. Н. въ 1816 г. переведенъ былъ въ гвардію въ Измайловскій полкъ, съ назначеніемъ состоять при Гвардейскомъ штабѣ. Сверхъ обыкновенныхъ занятій по службѣ, Ѳ. Н. исполнялъ разныя порученія и былъ главнымъ издателемъ Военнаго журнала. Въ 1819 г. уже въ чинѣ полковника, Глинка находился для особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, графѣ Милорадовичѣ, и временно завѣдывалъ собственною его канцеляріею. Сверхъ того, какъ сказано въ формулярномъ спискѣ, Ѳ. Н. «съ вѣдѣнія и по повелѣнію Государя Императора, употребляемъ былъ для производства изслѣдованій по предметамъ, заключающимъ въ себѣ важность и тайну», и одновременно съ симъ, также, по Высочайшему повелѣнію, былъ старшимъ членомъ въ особой слѣдственной коммиссіи. Тогда же онъ занимался составленіемъ свода нѣкоторыхъ узаконеній по уголовной части. Кромѣ того, ему было поручено наблюденіе за столичными богоугодными заведеніями и тюрьмами. Въ 1822 г., по прошенію, перечисленъ въ армію, съ сохраненіемъ жалованья и прочаго содержанія по чину полковника.

Глинка—Предсѣдатель Общества Любителей Россійской словесности и отношенія его къ Пушкину и Сперанскому, впослѣдствіи графу. Во время службы въ Петербургѣ Ѳ. Н. участвовалъ въ литературныхъ изданіяхъ и обществахъ того времени и былъ нѣсколько лѣтъ сряду предсѣдателемъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей Россійской словесности. Нѣкогда столь извѣстная и любимая

нами «Тройка» написана Глинкою въ 1824 г. На сколько Ѳ. Н. Глинка пользовался высокимъ уваженіемъ у современныхъ писателей по своему таланту и своей нравственной чистотѣ, на это лучшимъ указаніемъ могутъ служить прекрасные стихи А. С. Пушкина, обращенные къ нему въ 1823 г., и начинающіеся словами: «Когда средь оргій жизни шумной меня постигнулъ остракизмъ». Въ этихъ статьяхъ Пушкинъ называетъ Глинку великодушнымъ гражданиномъ и Аристидомъ [1]).

На хорошія отношенія Ѳ. Н. къ М. М. Сперанскому, въ послѣдствіи графу, указываетъ собственноручная записка Ѳ. Н., гдѣ онъ, разсказывая о своихъ недугахъ и нервахъ, между прочимъ, говоритъ: «я такъ былъ впечатлителенъ, что не могъ сносить ничьего страданія и страдалъ не менѣе самого страждущаго. Замѣтя это, Сперанскій сказалъ мнѣ: успокойтесь, «на погостѣ всѣхъ не оплачешь»! Но я долго не могъ помириться съ этой пословицей».

Высочайшія награды. Въ это время Ѳ. Н. пользовался милостивымъ вниманіемъ Императора Александра I къ своимъ дарованіямъ и трудамъ и получалъ неоднократно значительныя денежныя награды.

Ссылка въ Петрозаводскъ и переводъ въ Тверь и Орелъ. Въ 1825 году Ѳедора Николаевича постигло несчастіе. Вслѣдствіе прикосновенности къ Сѣверному обществу, Высочайшимъ

---

[1]) Это посланіе является отвѣтомъ на помѣщенное Ѳ. Н. Глинкою въ „Сынѣ Отечества“ за 1820 г. (т. 64) „Привѣтствіе опальному поэту“, написанное по случаю высылки Пушкина изъ Петербурга. Смерть великаго поэта въ 1837 г. также вызвала со стороны Глинки стихотвореніе, изданное въ Москвѣ отдѣльною брошюрою: „Воспоминанія о піитической жизни Пушкина“. Полное собраніе сочиненій Пушкина, изданіе Суворина.

приказомъ 9 іюля 1826 онъ былъ отставленъ отъ военной службы и посланъ на жительство въ Петрозаводскъ [1]). 27 октября того же года Ѳ. Н. Глинка опредѣленъ совѣтникомъ Олонецкаго губернскаго Правленія; 4 марта 1830 г. переведенъ на туже должность въ Тверское, а 5 декабря 1832 г. въ Орловское губернское Правленіе, каждый разъ сверхъ штата. Пребываніе Ѳ. Н. Глинки въ Олонецкой губерніи ознаменовалось появленіемъ въ свѣтъ его сочиненія: «Карелія или заточеніе Марѳы Ивановны Романовой" С.ПБ. 1830 г.

Отставка, женитьба и жизнь въ Москвѣ. Въ 1835 г. Ѳ. Н. Глинка былъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника [2]). Во время

---

[1]) Объ этомъ печальномъ событіи Ольга Н. въ своей статьѣ „Изъ моихъ воспоминаній", помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ 1887 г., за ноябрь мѣсяцъ, пишетъ: Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ и Александръ Николаевичъ Муравьевъ, были основателями Масонскаго общества. Сначала оно называлось „Союзъ благоденствія Сѣверныхъ рыцарей" и имѣло цѣлію открытіе злоупотребленій, взяточничества, злоупотребленій помѣщичьей власти, неправды въ судахъ и сообщеніе о нихъ Правительству; но впослѣдствіи общество это уклонилось отъ прежнихъ цѣлей и начало стремиться къ конституціи. Ѳедоръ Николаевичъ, не раздѣляя взглядовъ своихъ товарищей, отсталъ отъ нихъ. Когда же произошелъ бунтъ 14 декабря, Ѳедора Николаевича арестовали и, послѣ многократныхъ допросовъ Коммиссіи, привели къ Государю, который долго съ нимъ говорилъ, и, помахавъ рукой надъ его головою, сказалъ: „Глинка, ты совершенно чистъ, но все-таки тебѣ надо окончательно очиститься". Ссылка Глинки и Муравьева, признанныхъ невиновными, объясняется тѣмъ, что они не выдавали заговорщиковъ.

[2]) Въ ознаменованіе особаго благоволенія къ Ѳедору Николаевичу Глинкѣ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія со дня взятія Парижа, 19 марта 1864 года, Государь Императоръ пожаловалъ ему орденъ св. Станислава 1-й степени, и потомъ въ 1872 г., за поднесеніе вновь изданныхъ его сочиненій—орденъ св. Анны 1-й степени.

службы своей въ Твери, Өедоръ Николаевичъ женился на извѣстной писательницѣ, Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовой, переводчицѣ Шиллера и авторѣ книги.—«Жизнь Пресвятой Богородицы». Общность духовныхъ и художественныхъ интересовъ у обоихъ супруговъ упрочила ихъ союзъ и литературное направленіе. Они жили не только дружно, говоритъ Ольга Н. въ своихъ воспоминаніяхъ, но постоянно и добросовѣстно восхищались другъ другомъ. По выходѣ въ отставку, Ө. Н. поселился съ женою въ Москвѣ, на Садовой улицѣ, гдѣ по понедѣльникамъ у нихъ собирались литераторы, художники и близкіе по духу люди.

Изданіе «Очерковъ Бородинскаго сраженія». Ко дню празднованія въ 1839 г. Бородинской годовщины и открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, Ө. Н. издалъ «Очерки Бородинскаго сраженія».

Переселеніе въ Петербургъ. Въ 1853 году Глинки переселились въ Петербургъ, гдѣ тоже повторились ихъ понедѣльники, но при гораздо лучшей обстановкѣ, такъ какъ средства матеріальныя ихъ значительно увеличились, вслѣдствіе полученія Авдотьею Павловною большаго наслѣдства. Въ это время, въ январѣ 1854 г. напечатано патріотическое сочиненіе Ө. Н. подъ заглавіемъ «Ура!» На трехъ ударимъ разомъ». Оно встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ. Это сочиненіе, написанное въ половинѣ 1853 г. при первыхъ слухахъ о войнѣ, разошлось въ Москвѣ въ многочисленныхъ спискахъ. Но не дозволялось печатать впредь до окончательнаго разрыва съ Франціей и Англіей. По поводу этихъ стиховъ Ө. Н. писалъ Н. Гречу: «замѣчательно, что съ первою угрозою отечеству первые засвистали соловьи поэты».

Живя въ Петербургѣ Ө. Н. предался спиритизму и, посредствомъ одной особы—медіума, много и даже по своимъ понедѣльникамъ занимался перепискою съ духами, которые отвѣчали

по русски и по французски. Конечно спиритизмъ Ѳ. Н. шелъ обруку съ христіанскими его вѣрованіями и религіознымъ, хотя часто мистическимъ настроеніемъ [1]). О Ѳедорѣ Николаевичѣ справедливо сказалъ А. П. Милюковъ въ составленной имъ его біографіи, что онъ въ теченіе всей жизни пытливо искалъ истины на всѣхъ путяхъ, гдѣ только надѣялся открыть добро и служить на пользу людямъ. Ранѣе спиритизма, въ 1824 и 1825 годахъ Ѳ. Н. занимался изученіемъ магнетизма и до конца жизни интересовался имъ и даже многихъ магнетизировалъ.

Поѣздки въ деревню. Лѣтніе мѣсяцы Ѳедоръ Николаевичъ съ женою проводилъ сначала то въ Орловской, то Тамбовской деревнѣ его жены, а въ концѣ сороковыхъ годовъ ѣздилъ къ своей тещѣ въ сельцо Кузнецово, Бѣжецкаго уѣзда, въ 50 вер. отъ Твери [2]). Весною же и осенью, по пути въ деревню и оттуда обратно въ столицы, проводили они довольно много времени въ Твери, гдѣ тоже по вечерамъ собирались у нихъ близкіе знакомые, а чаще всего они сами по вечерамъ посѣщали Тверскіе избранные дома.

Литературные вечера. На вечерахъ не рѣдко читались сочиненія Ѳедора Николаевича, преимущественно его стихотворенія, и притомъ, большею частію, женою его, Авдотьею Павловною. Въ то время Тверское общество познакомилось съ

---

[1]) Въ собственноручной тетрадкѣ Ѳ. Н. есть отвѣты за подписью: Гаврила, князя Псковскаго, патріарха Никона, Михаила Архангела, Пророка Іоиля, Арсенія Коневецкаго и даже Наполеона Бонопарте.

[2]) Это имѣніе послѣ смерти Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, роднаго племянника Авдотьи Павловны Глинки, досталось ей, а отъ нея вскорѣ по купчей крѣпости перешло къ Ѳедору Николаевичу, который въ то же время совершилъ духовное завѣщаніе на все имѣніе въ пользу своей жены.

поэмою Өедора Николаевича, «Таинственная Капля». По временамъ на вечерахъ приходилось слушать и музыку. Авдотья Павловна хорошо играла на арфѣ, позволяя себѣ иногда сыграть и «Марсельезу».

«Іовъ» и «Таинственная капля». Въ 1859 г. вышло въ свѣтъ новое произведеніе Өедора Николаевича «Іовъ», а въ 1861 г. издана въ Берлинѣ поэма его «Таинственная Капля», которую напечаталъ вторично въ 1871 г. въ Москвѣ М. П. Погодинъ.

Переселеніе въ Тверь на постоянное жительство. Въ 1862 году Өедоръ Николаевичъ съ своею женою переѣхалъ изъ Петербурга на постоянное жительство въ Тверь [1]), гдѣ онъ въ то время состоялъ по выбору дворянства почетнымъ попечителемъ Тверской губернской гимназіи [2]).

Смерть жены и перемѣна въ характерѣ Ө. Н. Но не долго былъ открытъ домъ Глинки для Тверскаго общества. Въ сентябрѣ 1863 г. Авдотья Павловна скончалась. Въ своемъ великомъ горѣ Ө. Н. остался вѣренъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и поэтическому складу своего характера: скорбь о потерѣ нѣжно-любимой супруги онъ тутъ же и излилъ въ пространныхъ стихахъ, посвященныхъ усопшей. Это стихотвореніе тогда же было напечатано и роздано имъ близкимъ знакомымъ. Всѣмъ знавшимъ Өедора Николаевича, который почти всегда и вездѣ былъ неразлучно съ женою, постоянно заботившеюся о немъ и восхищавшеюся имъ, казалось, что онъ, овдовѣвъ на 74 году своей жизни, не переживетъ свою жену. Сначала, въ живой разнообразной дѣятельности онъ какъ-бы искалъ забвенія своихъ печальныхъ воспоминаній,

---

[1]) Въ собственный свой домъ, перевезенный изъ усадьбы.

[2]) Нынѣ классическая.

всегда сильныхъ и глубокихъ. Но, къ немалому удивленію Ѳ. Н. какъ-бы обновился, почувствовалъ свою свободу, въ немъ проявилась энергія и подвижность. Ѳ. Н. интересовался научными и общественными вопросами, постоянно слѣдилъ какъ за новыми открытіями въ области историческихъ наукъ, такъ равно за политикою, испещряя получаемыя имъ газеты своими отмѣтками—перомъ. Когда вышло сочиненіе графа Л. Н. Толстаго «Война и миръ», Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, какъ очевидецъ и участникъ сраженій описываемыхъ войнъ 1805—1812 г.г., мастерски иллюстрировалъ своими живыми разсказами многія мѣста этого художественнаго произведенія. Ѳ. Н. хранилъ въ твердой памяти лѣтопись почти цѣлаго столѣтія и знакомилъ иногда собесѣдниковъ съ крайне интересными эпизодами своей богатой событіями жизни. Къ сожалѣнію, онъ не оставилъ послѣ себя записокъ [1]).

Ѳ. Н. членъ губернскаго Статистическаго Комитета. Ѳ. Н. Глинка былъ почетнымъ членомъ Тверскаго губернскаго Статистическаго Комитета и всегда почти присутствовалъ въ его засѣданіяхъ, жертвуя нерѣдко сотни рублей на ученыя работы и разныя надобности Комитета, какъ наприм. на изслѣдованіе К. В. Пупаревымъ верхне-волжской флоры [2]), на командировку секретаря Комитета В. А. Плетнева, на статистическій съѣздъ въ Петербургѣ.

---

[1] Когда я просилъ Ѳ. Н., чтобы онъ занялся ихъ составленіемъ, онъ предлагалъ мнѣ записывать то, что онъ будетъ разсказывать. Но это оказалось не выполнимымъ.

[2]) К. В. Пупаревъ,—инспекторъ Врачебной Управы съ 1851—1866 г.г., умеръ въ 1873 г. Онъ оставилъ о себѣ память, какъ о неутомимомъ труженикѣ науки. Любимыми занятіями была метеорологія и ботаника.

Ѳ. Н.—гласный города. Ѳедоръ Николаевичъ былъ избранъ въ гласные Тверской городской думы [1]), на четырехлѣтіе съ 1875 года, и въ томъ же году былъ избранъ ею въ Коммиссію для изслѣдованія воды въ рѣкахъ Тьмакѣ и Волгѣ.

Ѳ. Н.—душеприказчикъ врача Ставропольскаго. Въ 1867 г. Ѳ. Н. не отказался принять на себя обязанность душеприказчика по духовному завѣщанію уважаемаго всѣми врача И. Я. Ставропольскаго [2]), отказавшаго значительный капиталъ въ пользу православныхъ церквей и школъ Сѣверозападнаго края, а также въ пользу Общества Краснаго Креста.

Предсѣдательство въ обществѣ «Доброхотной Копѣйки». Съ 1863 г. до самой своей кончины Ѳ. Н. постоянно состоялъ предсѣдателемъ Тверскаго благотворительнаго Общества «Доброхотной Копѣйки», основаннаго по инициативѣ его жены Авдотьи Павловны. Тверитяне помнятъ благотворительность Ѳедора Николаевича. Онъ никому не отказывалъ въ пособіи; охотно крестилъ дѣтей у бѣдныхъ [3]); равнымъ образомъ не отказывалъ имъ въ пособіи на погребеніе. Каждому бѣдному, который приносилъ удостовѣреніе священника о покойникѣ, котораго не начто было хоронить, Ѳедоръ Николаевичъ выдавалъ по три рубля [4]).

---

[1]) Ѳ. Н. присутствовалъ въ шести засѣданіяхъ думы.

[2]) Старшій врачъ больницы Тверскаго Приказа общественнаго призрѣнія; умеръ 22 ноября 1867 года.

[3]) При этомъ Ѳ. Н. спрашивалъ только, кого крестить: мальчика или дѣвочку, чтобы знать, на какой ленточкѣ нужно приготовить крестикъ.

[4]) Особено щедръ былъ Ѳедоръ Николаевичъ къ прислугѣ не только своей, но и чужой, давая по рублю при отъѣздѣ, гдѣ бы онъ не былъ: въ гостяхъ или въ клубѣ, не смотря на то, что его всегда сопровождалъ свой лакей.

Подвижность и отзывчивость Ѳ. Н. Глинки; его стихи. Всѣ болѣе или менѣе важныя мѣстныя событія Ѳедоръ Николаевичъ привѣтствовалъ стихами.

У подъѣзда всѣхъ почти собраній видна была его карета; самъ онъ небольшаго роста, тщедушный, черноволосый, всегда во фракѣ и во всѣхъ орденахъ [1]), присутствовалъ и въ собраніяхъ, и на вечерахъ, и званыхъ обѣдахъ, и на пикникахъ, и на станціи желѣзной дороги при проѣздѣ Высочайшихъ Особъ, и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то: при встрѣчахъ американскаго посланника Фокса и славянскихъ гостей, (проѣзжавшихъ на этнографическую выставку). Не разъ въ Бозѣ почившій Государь Александръ Николаевичъ при проѣздахъ чрезъ Тверь, удостоивалъ Ѳедора Николаевича своимъ милостивымъ словомъ. При всѣхъ выдающихся случаяхъ у Ѳедора Николаевича было готово изящное привѣтствіе и острый отвѣтъ, а часто и прекрасные стихи или художественная рѣчь [2]). Великія отечественныя событія, имѣли въ немъ, какъ и прежде, вдохновеннаго выразителя народныхъ чувствъ [3]).

---

[1]) Быть можетъ въ этомъ отношеніи Глинка подражалъ своему любимому герою графу Милорадовичу „Очерки Бородинскаго сраженія“ стр. 63.

[2]) Помнится мнѣ, на прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ 1853 г. въ Твери Ивану Ивановичу Лажечникову, бывшему въ Твери Вице-Губернаторомъ, отъѣзжавшему (изъ Твери) въ Витебскъ на такую же должность, Ѳедоръ Николаевичъ такъ началъ прощальную рѣчь: «Мнѣ наскучило сладкое фалернское вино, сказалъ Горацій,—малый подай мнѣ горькаго» и т. д.

[3]) За три года передъ смертью Ѳ. Н. напечаталъ патріотическое стихотвореніе по случаю объявленной войны Турціи: «Уже прошло четыре вѣка» и проч. Здѣсь онъ приводитъ на память древнее предсказаніе объ освобожденіи Константинополя и Св. Софіи Бѣлымъ Царемъ. Къ сожалѣнію, это пророчество, бывшее свѣтлымъ чаяніемъ русскаго народа еще не сбылось. Выше указанное стихотвореніе яв-

Пріѣздъ Погодина. По временамъ навѣщали Ѳедора Николаевича литераторы и ученые. Въ 1872 г. посѣтилъ его М. П. Погодинъ, предпринявшій изданіе его сочиненій, о которыхъ онъ былъ высокаго мнѣнія. Но вскорѣ и его пережилъ Ѳедоръ Николаевичъ, отозвавшійся по этому случаю: «Москва безъ Погодина, что безъ Сухаревой башни». Поэтическое настроеніе и риѳма никогда не покидали Ѳ. Н. Онъ очень любилъ играть словами, въ особенности въ перепискѣ, вставляя всегда удачно русское bon mot. Не чуждъ былъ ему и французскій каламбуръ и французская утонченная любезность.

День Ѳ. Н. Глинки. Здѣсь умѣстно разсказать, какъ обыкновенно проводилъ время Ѳ. Н. послѣ смерти своей жены. Утро его начиналось то въ 11 часовъ, то въ полдень и даже въ половинѣ 1 час. дня. Ѳедоръ Николаевичъ молился Богу въ теченіе цѣлаго часа, потомъ пилъ чай и занимался до 5 и до 6 часовъ чтеніемъ и письмомъ. Въ это время онъ охотно принималъ посѣтителей. Въ 5 или 6 часовъ Ѳ. Н. выѣзжалъ изъ дому въ каретѣ, заѣзжалъ въ кондитерскую Миллеръ-Вейса и здѣсь, скушавъ нѣсколько пирожковъ и выпивъ маленькую рюмку водки «Русское добро», а когда врачи запретили ему это, пилъ шато-лафитъ—2 рюмки, читалъ, сидя въ креслѣ, газету, причемъ иногда засыпалъ во время чтенія, потомъ, сдѣлавъ по улицѣ пѣшкомъ небольшую прогулку, возвращался домой въ 7 часовъ. Обѣдалъ въ 8 и позже. Передъ обѣдомъ молился Богу около получаса, послѣ обѣда дремалъ долго на диванѣ. Затѣмъ около 12 час. отправлялся въ клубъ; почитавъ тамъ газеты и побесѣдовавъ въ столовой съ знакомыми, гдѣ иногда приказывалъ подать шампанскаго,

---

ляется лебединою пѣснею маститаго поэта, растянутое и шероховатое, но съ вспышками былаго поэтическаго огня, оно напоминаетъ неровный, мерцающій свѣтъ лампады, когда масло въ ней догораетъ.

которымъ угощалъ собесѣдниковъ,—возвращался домой въ 2 часа. Снова читалъ, иногда писалъ и ложился спать около 5 и 6 часовъ ночи, совершивъ молитву, продолжавшуюся болѣе получаса.

Опроверженіе сообщенія о бѣдности Ѳ. Н. Такой образъ жизни далеко не согласуется съ отзывомъ автора «Воспоминаній о Ѳ. Н.», помѣщенныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, что Глинка, раздавъ имущество бѣднымъ, жилъ бѣдно въ одной комнатѣ, ходилъ въ поношенномъ платьѣ и т. д. Правда, столъ его былъ неприхотливъ, но жилъ онъ не бѣдно—занималъ весь второй этажъ своего очень помѣстительнаго дома; держалъ свой экипажъ, двухъ лакеевъ и оставилъ своимъ наслѣдникамъ, кромѣ капиталовъ, болѣе 4000 дес. хорошей земли въ Тверской и Орловской губерніяхъ, укрѣпивъ за ними предъ смертью также болѣе 4000 десятинъ.

Кабинетъ Ѳ. Н. Глинки. Бывшимъ знакомымъ Ѳ. Н. хорошо памятенъ и его обширный кабинетъ, загроможденный разнаго рода рѣдкими, частію художественными предметами. Въ числѣ этихъ предметовъ лежали также разныя бумаги, записки и всякаго рода мелочи, такъ какъ Ѳ. Н. любилъ, чтобы всякія бумаги, замѣтки, книги лежали у него на столахъ подъ руками, а потому у него всевозможныхъ бумагъ—нужныхъ и ненужныхъ накоплялась масса [1].

Ѳ. Н., какъ помѣщикъ Здѣсь умѣстно, кажется, сказать нѣсколько словъ о Ѳ. Н. Глинкѣ, какъ помѣщикѣ, которому случайно досталось большое имѣніе, около тысячи душъ крестьянъ и болѣе 12000 десятинъ земли.

---

[1]) У многихъ хранится фотографія этого кабинета (снятая въ 1873 г. 10 августа). По срединѣ кабинета сидитъ самъ хозяинъ съ своею неизмѣнно-доброю привѣтливою улыбкою.

И здѣсь онъ выказалъ себя добрымъ человѣкомъ, а болѣе всего поэтомъ. Имѣніе это, населенное корелами, находилось прежде въ дворцовомъ вѣдомствѣ, а въ 1797 г. Всемилостивѣйше пожаловано за 60-ти-лѣтнюю службу генералъ-адмиралу Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову.

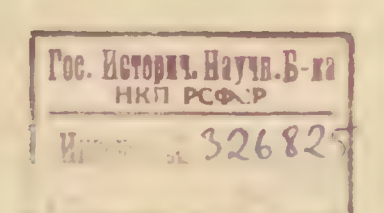
Въ пятидесятыхъ годахъ Ѳ. Н. предполагалъ, послѣ смерти его и жены, предоставить своимъ крестьянамъ свободу съ надѣломъ земли. Тѣмъ не менѣе, онъ не устоялъ противъ тѣхъ напрасныхъ опасеній, которыя бродили въ нашемъ обществѣ въ первые дни за появленіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ и которымъ поддался впечатлительный Ѳ. Н., изложивъ ихъ въ поэтическомъ посланіи къ генералу Цимерману «Ожидаемый вечеръ».

А то, вѣдь, Русь шумитъ, какъ море,
Вѣстямъ и слухамъ нѣтъ конца!
. . . .
. . . .
Богъ знаетъ, изъ нависшей тучи,
Какая вылетитъ бѣда,
Когда пойдутъ на споръ кипучій,
Кулакъ, топоръ и борода.
Ужъ лѣзутъ изъ подполья силы,
И намъ доноситъ общій крикъ,
Что цѣлый домъ поднять ва вилы
Готовъ разнузданный мужикъ [1]).

Безкорыстіе Ѳ. Н., и замѣчательная его записка по поводу отмѣны крѣпостнаго права. При составленіи уставныхъ грамотъ Ѳ. Н. Глинка предложилъ своимъ крестьянамъ выкупить всю его землю, въ томъ числѣ до 4000 десят. лѣса, на весьма льготныхъ условіяхъ, именно съ платою по 1 руб. съ десятины годичнаго оброка въ теченіе 30 лѣтъ, а

[1]) А. Милюковъ. Историческій Вѣстникъ 1880 года.

затѣмъ всѣ дачи и угодья должны поступить въ собственность крестьянъ [1]), но они предпочли взять надѣлъ въ узаконенной пропорціи, и при томъ не въ одной окружной межѣ, а въ нѣсколькихъ участкахъ, что оказалось для нихъ впослѣдствіи крайне неудобнымъ.

Когда крестьяне обращались къ Ѳ. Н. съ просьбою о прощеніи оброчной недоимки, Ѳ. Н. поступалъ оригинально: послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго увѣщанія, онъ заставлялъ ихъ молиться у себя въ моленной и затѣмъ приказывалъ вынуть съ кіота икону и посмотрѣть, не послалъ-ли имъ Богъ чего за усердную молитву. Конечно, тамъ оказывалась нужная крестьянамъ сумма, которую они вносили старостѣ для уплаты оброка.

Послѣдніе годы. За два года до своей кончины Ѳедоръ Николаевичъ сталъ видимо дряхлѣть, и зрѣніе его ослабѣло на столько, что самъ читать онъ уже не могъ, но сохранилъ ясность мыслей и высокое религіозное настроеніе, о которомъ свидѣтельствуютъ его поэтическія стихотворенія и самыя дѣла, какъ это прекрасно выражено въ художественномъ надгробномъ словѣ протоіерея Владиславлева.

Могила Ѳ. Н. Глинки. Ѳ. Н. Глинка похороненъ 14 февраля 1880 г. въ Желтиковомъ монастырѣ, близъ Твери. При погребеніи отданы были ему воинскія почести, какъ имѣвшему золотое оружіе.

---

[1]) Описаніе имѣнія Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, представленное Ѳ. Н. Глинкою въ Бѣжецкій уѣздный комитетъ. Въ заключеніе здѣсь намѣчены «жизненные» вопросы, вызываемые отмѣною крѣпостнаго права. Замѣчательно, что предположенія Глинки оправдались впослѣдствіи, и что послѣднія мѣропріятія правительства совпадаютъ съ проэктами, высказанными Ѳ. Н. въ этой запискѣ, какъ-то: о необходимости охраненія лѣсовъ, ограниченія семейныхъ раздѣловъ, пьянства, урегулированія отношеній землевладѣльцевъ къ наемнымъ рабочимъ и проч.

II.

Занятія археологіей.

Теперь пора сказать о значеніи Өедора Николаевича, какъ члена археологическаго общества. Выше уже было сказано, что живя въ Смоленской губерніи онъ имѣлъ отъ губернскаго начальства порученія содѣйствовать Высочайше утвержденному обществу исторіи и древностей Россійскихъ. Быть можетъ, съ этою цѣлью тогда онъ путешествовалъ по губерніямъ Смоленской и Тверской, а также въ Кіевъ и по Волгѣ.

Памятники древности, открытые Ө. Н. Глинкой. Въ 1836 году ученые Россіи и другихъ странъ были заинтересованы открытыми Өедоромъ Николаевичемъ въ 1835 г. памятниками древняго быта какого-то неизвѣстнаго исторіи народа, жившаго въ доисторическое время въ Тверской Кареліи [1]).

Въ 3-й книжкѣ журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1836 г. П. И. Кеппенъ, впослѣдствіи академикъ русской Академіи наукъ, напечаталъ извлеченіе изъ писемъ Өедора Николаевича о древностяхъ въ Тверской Кареліи, дополнивъ это извлеченіе своими примѣчаніями. Въ началѣ перваго письма Өедоръ Николаевичъ объясняетъ, какимъ образомъ онъ дошелъ до этого открытія. «Восьмилѣтнее, пишетъ онъ, служеніе по тремъ губернскимъ Правленіямъ и денно-ночные труды до того разстроили мои нервы, мой бѣдный организмъ, что я отупѣлъ и началъ слѣпнуть и глохнуть. По совѣту врачей отправился въ деревню, въ Бѣжецкое имѣніе тещи, сельцо Кузнецово, близъ погоста Михайловскаго—Прудова. Здѣсь сначала обратили на себя мое вниманіе остатки моря—покры-

---

[1]) Такъ Ө. Н. называетъ южную часть Бѣжецкаго уѣзда, населенную корелами, перешедшими изъ за Шведскаго рубежа въ XVII столѣтіи.

вавшаго нѣкогда Тверскую губернію,—въ видѣ разсѣянныхъ по полямъ морскихъ раковинъ и полипняковъ, затѣмъ остановился на уцѣлѣвшихъ курганахъ и на рѣзныхъ камняхъ». Однако раскопки Ѳедоромъ Николаевичемъ кургановъ дали отрицательные результаты. Кромѣ угольевъ ничего не найдено. Во время такихъ розысканій имъ обнаруженъ загадочный памятникъ—большая каменная глыба съ высѣченнымъ на немъ изображеніемъ прямоугольниковъ и слова «Степанъ». Кромѣ того, онъ открылъ и другіе камни, которые отличались то странною фигурою, то странными изображеніями на нихъ. Все это, при поэтическомъ, преобладающемъ всегда въ Ѳедорѣ Николаевичѣ, настроеніи, послужило основаніемъ къ составленію имъ предположеній, что въ означенной мѣстности, на мѣстѣ недавно бывшаго «*Каменскаго Стана*» [1]), существовалъ какой-то древній «гардъ» скандинавовъ или великій градъ Славянъ, или поселенія Богъ вѣсть какого народа.

Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою при его письмѣ Кеппену были доставлены рисунки камней съ ихъ описаніемъ, а также рисунки круговинъ кургановъ, обложенныхъ при основаніи ихъ камнями и каменными плитами.

Такое сообщеніе Ѳедора Николаевича было встрѣчено съ восторгомъ П. И. Кеппеномъ, горячо преданнымъ археологическимъ изысканіямъ. Напечатанная имъ статья въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и перепечатанная въ другихъ изданіяхъ заинтересовала какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Послѣ статьи въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, была напечатана статья Ѳ. Н. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Русскомъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ; она помѣщена была въ 1837 г. въ Сборникѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ (т. I кн. 2) подъ заглавіемъ «Мои замѣтки о признакахъ

---

[1]) Такъ назывался въ XVII столѣтіи станъ, къ которому принадлежала описываемая Ѳ. Н. мѣстность.

древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Кареліи». «Изслѣдуя эту мѣстность, пишетъ Ѳедоръ Николаевичъ, въ долинахъ нѣкогда сухихъ, теперь покрытыхъ болотнымъ наплывомъ и кочками, я находилъ камни, хотя и обезображенные лѣсными пожарами и болотнымъ квасомъ, въ которомъ пролежали вѣка, но сохранившіе видъ надгробныхъ памятниковъ и отличающіеся особеннымъ устройствомъ, что, будучи поставлены на своемъ подножіи, наклоняются на одну сторону и всегда остаются въ наклонномъ положеніи. Если вообразить, продолжаетъ Ѳедоръ Николаевичъ, что нѣкогда, можетъ быть, по нѣсколько сотъ такихъ разновидныхъ камней стояли вмѣстѣ, всѣ склонясь печалью къ одной сторонѣ (къ востоку), то нельзя не согласиться, что въ совокупности должны были они выражать одну общую мысль и безъ сомнѣнія мысль унылую». Такія предположенія поэта отвергнуты наукою, признавшей эти камни ерратическими валунами [1]).

Изъ числа описанныхъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою камней, которымъ онъ придавалъ археологическое значеніе, обратили на себя особенное вниманіе ученыхъ два камня.

Камень съ загадочнымъ изображеніемъ. Одинъ изъ сихъ камней, длиною 2 арш. 4 верш. и шириною 1 арш. $^3/_4$ верш.;

---

[1]) П. И. Кеппенъ (также) въ письмѣ къ Ѳедору Николаевичу, отъ 7 декабря 1835 г., между прочимъ, сообщалъ: «Погодинъ пишетъ ко мнѣ (равно и къ Ф. И. Кругу], что вы въ Бѣжецкомъ уѣздѣ изволили отыскать кругъ могилъ и на оныхъ камни съ надписями. Объ этой важной находкѣ я не могъ умолчать и прилагаю при семъ на ваше усмотрѣніе вчерашній № моей газеты (которую продолжаю издавать до новаго года). Нельзя-ли будетъ сообщить мнѣ удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія о семъ предметѣ и въ особенности спимки съ надписей,—если это дѣйствительно надписи. Мнѣ на сѣверѣ (около Ладоги, Тихвина и друг.) нерѣдко случалось слышать о камняхъ съ надписями и послѣ моихъ поѣздокъ изъ погоста въ погостъ—наконецъ, оказывались камни съ царапинами. Не подрывайте моего терпѣнія, скажите, прошу васъ, что вы изволили видѣть».

на немъ, кромѣ высѣченнаго славянскими и греческими буквами слова «Степанъ»,—имѣется изображеніе трехъ прямоугольныхъ четыреугольниковъ, включенныхъ одинъ въдругой. Изображеніе это подобно найденному въ г. Изборскѣ академикомъ Кругомъ на могильномъ камнѣ Трувора. Описаніе и рисунки этого и другого камня, длиною и шириною 14 верш., на коемъ имѣются выпуклыя изображенія подковы и нѣсколькихъ линій, помѣщены въ Исторіи Россіи до Монгольскаго ига т. 3, соч. М. Погодина, а также въ сочиненіи академика Шегрена [1]), заключающемъ въ себѣ разборъ сочиненія Датскаго профессора Финна-Магнусена о Рунахъ. Академикъ Кругъ, Финнъ-Магнусенъ и Шегренъ объясняютъ, что изображенные на первомъ камнѣ три четыреугольника означаютъ поединокъ, и что камень положенъ на могилѣ Степана, убитаго на поединкѣ. Но, не смотря на авторитетъ этихъ ученыхъ, вопросъ о загадочномъ рисункѣ четыреугольниковъ, какъ на этомъ камнѣ, такъ и на другомъ, найденномъ въ 1886 г. въ с. Тутани Тверскаго уѣзда, съ такимъ же рисункомъ, доселѣ остается открытымъ [2]).

Другой камень открытый Глинкою, якобы съ двойными рунами. На второмъ камнѣ профессоръ Финнъ-Магнусенъ нашелъ сложныя руны и прочелъ: Иварови (или Ингварови, или Игореви) взятъ, т. е. поставленъ, воздвигнутъ. Ингваръ или Игорь, по мнѣнію Магнусена и Шегрена, былъ знаменитый Шведскій полководецъ, о которомъ повѣствуетъ особая Исландская сага. По сказанію этой саги, онъ предпринималъ отдаленныя путешествія въ нынѣшнюю Россію, почему и названъ Ингваръ—далеко странствующій; онъ совершилъ тамъ великіе подвиги и, наконецъ, тамъ же умеръ отъ лютой бо-

---

[1]) Ueber das Werk Finn-Magnusens Runamo og Runerne, von Dr. Siogren. S.—Petersburg. 1842.

[2]) Письмо графини П. С. Уваровой, отъ 28 января 1887 г.

лѣзни. Что же касается до желѣзной подковы, изображенной на этомъ камнѣ, то она, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, означаетъ, что лошадь, бывшая съ нимъ въ походѣ, похоронена вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. О послѣднемъ камнѣ профессоръ Шевыревъ пишетъ [1]): «въ надписяхъ, найденныхъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою въ Тверской Кареліи на камняхъ, вѣроятно, надгробныхъ, Финнъ-Магнусенъ нашелъ связное руническое письмо и прочелъ Іварови (Игореви) взятъ, т. е. воздвигнутъ Игорю. Г. Шегренъ выводитъ изъ всего изслѣдованія Финна Магнусена и своего несомнѣнныя доказательства, что Скандинавскія руны еще въ концѣ Х вѣка были употребительны въ Россіи, даже примѣнялись къ славянскому языку и, совершенно по древнѣйшему сѣверному способу, вырѣзываемы были на деревѣ и на камняхъ, какъ отдѣльными чертами, такъ и связными рунами».

Печатая означенныя письма Ѳедора Николаевича Глинки о древностяхъ Тверской Кареліи, редакція журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлала воззваніе къ любителямъ отечественной старины, прося ихъ доставлять свѣдѣнія о курганахъ, разсѣянныхъ по Россіи.

Предложенія, сдѣланныя Глинкою Обществу Исторіи и древностей Россійскихъ. Въ тоже время Ѳ. Н. Глинка въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующія три предложенія: 1) «Не—благоугодно-ли будетъ Обществу Исторіи и древностей Россійскихъ сдѣлать, какъ оно уже то дѣлало разъ въ 1811 г., свои сношенія съ г.г. Губернаторами и посредствомъ ихъ съ Губернскими Статистическими Комитетами, также съ своими членами—корреспондентами и вообще со всѣми извѣстными въ Россіи любителями наукъ и древностей,

---

[1]) Исторія Русской Словесности. Москва. Университетская типографія, 1846 г. Лекція 3.

прося ихъ доставлять Обществу описанія, со включеніемъ въ нихъ и народныхъ преданій, рисунковъ, снимковъ, чертежей и тому подобное всѣхъ находящихся въ губерніяхъ и околоткахъ, гдѣ дѣйствуетъ администрація и проживаютъ корреспонденты, старинныхъ земляныхъ насыпей, кургановъ, деревъ, считаемыхъ завѣтными (дубовъ, сосенъ и проч.), замѣтныхъ камней, особенно имѣющихъ какое либо въ народѣ прозваніе (наприм., кудакъ-камень, копь-камень и проч.), изваяній, называемыхъ каменными людьми или бабами. Древнія развалины или *городища* всякаго рода (въ бѣльскихъ лѣсахъ) ямы или сухіе колодцы при оныхъ и все, что можетъ обличать быты стародавніе, должно имѣть здѣсь мѣсто. 2) Неугодно-ли будетъ Обществу развить и передать отъ себя, кому слѣдуетъ, мысль о заведеніи *мѣстныхъ музеевъ, или хранилищъ древностей.* Директоры гимназій, посредствомъ воспитанниковъ, легко могутъ войти въ сношеніе съ помѣщиками; простолюдины же съ охотою станутъ доставлять *за малую плату* находки, неимѣющія, по большей части, въ ихъ глазахъ, никакой положительно цѣнности. Подъ словомъ «*находки*» я разумѣю старинные камни, необыкновеннаго размѣра кирпичъ, ножи, бердыши, пищали и прочее оружіе, часто попадающееся въ землѣ; также мѣдные кресты, кольца и другія вещицы, находимыя на поляхъ, гдѣ бывали древнія побоища. Размѣстя рядъ такихъ находокъ съ краткимъ описаніемъ *гдѣ, кѣмъ* и *когда* найдена каждая, можно доставить удовольствіе любителямъ древностей и даже пользу ученикамъ самыхъ гимназій. Тогда остатки владычества Татарскаго, набѣговъ Литвы, нашествія Поляковъ, соединясь съ остатками *бытовъ временъ незапамятныхъ,* сольются въ одно цѣлое—и цѣлое, во многихъ отношеніяхъ любопытное. Тогда ни камни, служившіе жертвенниками, ни каменныя бабы степей русскихъ, ни *Дейвы Божни*—литовскія не останутся вовсе забытыми. Наконецъ, 3) Не угодно-ли будетъ Обществу поручить г.г. своимъ членамъ корреспондентамъ и просить г.г. Гу-

бернаторовъ о порученіи губернскимъ и уѣзднымъ *землемѣрамъ* доставлять въ Общество названія пустошей, урочищъ, овраговъ и ручьевъ, (что все легче сдѣлать можно землемѣрамъ), имѣющихъ названія нерусскія, но почему-либо загадочныя, наприм., пустошь *Кидомля*, пустошь *Татарига*, гора *Дорожачъ*, урочища: *Черный Яръ*, *Перекса* и т. подобн.»

По справедливости, почипъ кургановѣдѣнія слѣдуетъ приписать Ѳ. Н. Глинкѣ. Высказанное имъ въ поэтическомъ увлеченіи значеніе изслѣдованія кургановъ и предложенные имъ для сего вопросы почти цѣликомъ вошли въ составленныя впослѣдствіи инструкціи для раскопки кургановъ.

Подтвержденіе догадокъ Глинки изслѣдованіями ученыхъ. И дѣйствительно, не тщетно Ѳедоръ Николаевичъ взывалъ къ ученымъ, чтобы они разгадали представлявшійся ему древній бытъ невѣдомаго народа, повторяя слова Г. Е. Щуровскаго, что, «можетъ быть, когда нибудь исторія или догадливость ученыхъ вспрыснетъ живою водою эти признаки и знаки древности» [1]).

[1]) Собственноручная записка Ѳ. Н. Глинки. На впечатлительную натуру Ѳ. Н. не могли не подѣйствовать судьбы мѣстности, въ которой находилось его имѣніе, заселенной нынѣ сплошь корелами, вышедшими въ XVII вѣкѣ изъ за Шведской границы. На бывшее здѣсь прежде русское населеніе указываютъ лишь нѣсколько сохранившихся надгробныхъ памятниковъ въ часовнѣ деревни Святой. На одномъ изъ нихъ, на могилѣ Степана Измайловича, выставленъ годъ его смерти —1566. Ѳ. Н. Глинка не пропускалъ безъ вниманія ничего, что напоминало, по его мнѣнію, о таинственныхъ судьбахъ прошедшаго. Такъ, въ названіяхъ урочищъ Бородинскаго поля: Войня, Колоча, Огникъ, Стонецъ, поэтъ Глинка въ своихъ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» (14 стр.), видитъ указаніе на какое-то великое событіе, когда и прежде здѣсь люди воевали, колотили, палили и стонали. Тутъ-же, упоминая о курганахъ: Горецкомъ и Шевардинскомъ, Ѳ. Н. коснулся и переселенія—народовъ съ востока, и городищъ, и кургановъ.

Изслѣдованія незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, помѣщенныя въ классическомъ его сочиненіи, «Меряне и ихъ бытъ», а также труды профессора Анатолія Петровича Богданова [1]), исполнили желаніе Өедора Николаевича. Невѣдомый міръ, сокрытый въ курганахъ, явился наружу, благодаря раскопкамъ кургановъ Ярославской и сосѣднихъ съ нею губерній: Владимірской, Московской и Тверской (въ послѣдней въ мѣстности, описанной Өедоромъ Николаевичемъ [2])

Избраніе Ѳ. Н. въ члены Московскаго археологическаго общества. Въ уваженіе поднятыхъ Ѳ. Н. Глинкою археологическихъ вопросовъ, Московское Археологическое общество избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ 28 апрѣля 1869 г. Вскорѣ за симъ, въ засѣданіи тогоже Общества, 26 апрѣля 1870 года, предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ, по поводу предстоящаго втораго археологическаго съѣзда, заявилъ желаніе, чтобы изслѣдованы были памятники древности, находящіеся въ Тверской Кареліи и описанные лишь въ извѣстной статьѣ Ѳ. Н. Глинки [3]).

Доставленіе въ Тверской музей замѣчательныхъ камней изъ имѣнія Глинки. Въ 1872 году, занявшись образованіемъ археологическаго отдѣла въ Тверскомъ музеѣ, я рѣшился лично ознакомиться на мѣстѣ съ описанными Өедоромъ Николаевичемъ памятниками и для этого въ томъ же году лѣтомъ, съ разрѣшенія его, отправился въ принадлежащее ему имѣніе, сельцо Кузнецово, Бѣжецкаго уѣзда. Здѣсь

---

[1]) Монографія профессора А. П. Богданова «Доисторическіе Тверитяне по курганнымъ раскопкамъ».

[2]) Раскопки св. А. Е. Гроздова въ имѣніи Ѳ. Н. Глинки въ урочищахъ Бабушкинъ лѣсокъ и пустошь Кидомля (Антропологическая выставка 1879 г.)

[3]) Древности, т. III, стр. 259.

противъ барскаго деревяннаго дома, черезъ дорогу, въ саду въ аллеѣ расположены были камни, собранные Ѳедоромъ Николаевичемъ, какъ археологическіе предметы.

Въ числѣ ихъ находились также описанные выше камни, одинъ съ надписью «Степанъ» и другой съ изображеніемъ подковы и выпуклыми знаками, принятыми за руны. Остальные, описанные Ѳ. Н. Глинкою, камни, о которыхъ умолчали ученые Финнъ-Магнусенъ, Шегренъ и др., показались и мнѣ неимѣющими никакого археологическаго значенія. Странная ихъ форма и знаки на нихъ были ничто иное, какъ случайность, такъ называемая игра природы (lusus naturae), въ чемъ впослѣдствіи, повидимому, убѣдился и самъ Ѳедоръ Николаевичъ.

Ѳедоръ Николаевичъ, не смотря на свои преклонные годы, живо и сочувственно относившійся къ устраиваемому археологическому отдѣлу въ Тверскомъ музеѣ, приказалъ въ 1873 году своему управляющему, такъ называемому бурмистру, доставить въ Тверь по санному пути загадочный камень съ прямоугольниками и съ надписью «Степанъ». Не безъ затрудненій обошлась эта перевозка [1]).

---

[1]) Вскорѣ Ѳедоръ Николаевичъ получаетъ отъ управляющаго донесеніе, что когда лошади ввозили этотъ камень въ гору, отъ большой тяжести веревки оборвались и камень свалился. Что дѣлать? На это Ѳедоръ Николаевичъ отвѣчалъ: припречь еще нѣсколько лошадей и камень доставить въ Тверь. Прошло, однако, немало времени, а о камнѣ не было ни слуху—ни духу. Наконецъ получаю отъ Ѳедора Николаевича записку, па конвертѣ которой. написано имъ: «Еще нераспечатывая этого конверта—засмѣйтесь, а распечатавъ смѣйтесь до упаду! Въ собственныя руки». Въ запискѣ же написано: «Привезли *камень да не тотъ!!*....привезли дрянь. Добрые люди подумали, что громадность составляетъ достоинство. Но я уже сдѣлалъ *распоряженіе: дождемся и настоящаго*. Преданнѣйшій Ѳ. Глинка».

Въ 1875 году, по моей просьбѣ, по приказанію Ѳедора Николаевича, былъ доставленъ въ музей изъ сельца Кузнецова и другой камень, на которомъ изображена подкова и знаки, принятые имъ и поименованными выше учеными за руны [1]).

Другія пожертвованія Глинки музею. Кромѣ пожертвованія музею означенныхъ двухъ камней, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка всегда сочувственно относился къ Тверскому музею, въ особенности со времени открытія мною въ немъ археологическаго отдѣла, и радовался каждому его пріобрѣтенію. Свое сочувствіе онъ нерѣдко выражалъ стихами [2]), а также и денежными пожертвованіями [3]).

[1]) Не раздѣляя этого мнѣнія и видя въ выпуклыхъ па камнѣ знакахъ слѣды вывѣтриванія болѣе мягкихъ составныхъ частей песчаника, сперва я считалъ нецѣлесообразнымъ помѣщеніе его въ музеѣ, но впослѣдствіи рѣшился помѣстить его, опасаясь принять на свою отвѣтственность такое отрицаніе мнѣнія помянутыхъ авторитетныхъ ученыхъ, призпавшихъ въ означенныхъ знакахъ на камнѣ руны и притомъ двойныя,—«doppelte runen».

[2]) Не могу не привести одного стихотворенія Ѳ. Н., присланнаго мнѣ 23 августа 1877 года, (въ то время ему было 91 годъ); посланіе это свидѣтельствуетъ какъ объ участливомъ отношеніи Глинки къ Тверскому музею, такъ и о свѣжести его умственныхъ силъ:

«Видѣлъ я Тверской музей
«И музеемъ любовался,
«И въ музеѣ научался...
«И невольно удивлялся....
«Какъ безъ средствъ нашлися средства
«Отыскать и собрать
«Столько предметовъ дорогихъ по рѣдкости
«И существенной цѣнности?
«Какъ летунья поднебесная ласточка
«Изъ крупинокъ строитъ домикъ свой,
«Такъ состроился музей Тверской и т. д.

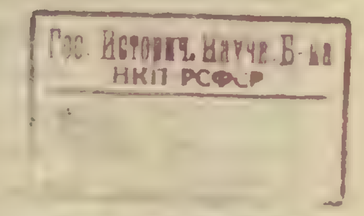
[3]) Съ 1874 по 1878 годъ пожертвовано Ѳ. Н. Глинкою на архе-

Участіе Глинки въ раскопкахъ въ Твери. На сколько живо Өедоръ Николаевичъ интересовался древностями, можно заключить изъ того, что онъ охотно участвовалъ, въ качествѣ члена коммиссіи, въ раскопкахъ производимыхъ въ Твери, въ гавани общества Самолетъ, на мѣстѣ бывшаго древняго монастыря Өедора Стратилата, гдѣ были найдены каменные гробы, и близъ Троицкой церкви, построенной въ 1564 году, для отысканія подземнаго хода къ собору.

Близкія отношенія Өедора Николаевича Глинки къ Твери продолжались въ теченіе 50 лѣтъ, съ 1830 по 1880 годъ, сначала какъ совѣтника Губернскаго Правленія, а потомъ, по женитьбѣ здѣсь, и какъ постояннаго жителя. Много онъ сдѣлалъ въ Твери добра своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ мѣстнымъ интересамъ, вслѣдствіе чего личность его сдѣлалась дорогою и популярною въ Твери.

Помѣщеніе въ Тверскомъ музеѣ портрета Глинки. Чтобы сохранить о немъ свѣтлую память, по ходатайству Тверскаго губернскаго Статистическаго Комитета, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 1872 г. помѣщенъ въ Тверскомъ музеѣ портретъ Өедора Николаевича [1]).

А. Жизневскій.

ологическій отдѣлъ 246 р. 20 к., которые употреблены на устройство шкафовъ и другіе расходы по музею.

[1]) Въ то же время помѣщенъ въ музеѣ портретъ бывшаго Тверскаго Губернатора князя Петра Романовича Багратіона, положившаго основаніе Тверскому музею и оставившаго по себѣ прекрасную память.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О литературной дѣятельности Ѳедора Николаевича Глинки.

Сочиненія Ѳедора Николаевича, въ свое время пользовавшіяся большою извѣстностію, представляютъ два отдѣла: переводы и оригинальныя сочиненія. Особенно были извѣстны, представляющія въ настоящее время библіографическую рѣдкость, его «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Авезійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 г.г., той же отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 годъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній, мыслей и разсужденій во время поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи». Эти письма въ 8-ми книгахъ, изданы въ Москвѣ въ 1815—1816 году [1]). Часть писемъ были переведены братомъ Ѳедора Николаевича Сергѣемъ на французскій языкъ; къ переводу приложены нѣкоторыя замѣчанія переводчика, содержащія нѣсколько біографическихъ данныхъ. Кромѣ того, ему принадлежатъ «Подвиги графа Милорадовича въ отечественную войну», «Черты изъ жизни Тодеуса Костюшки», «Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ, или краткія жизнеописанія славныхъ женъ, съ объяснительными уроками о ихъ дѣяніяхъ и твореніяхъ; перев. съ франц., 4 ч., «Письма къ другу».... «Краткое начертаніе военнаго журнала», «Гимнъ величію и всемогуществу Божію», «Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ графа Милорадовича», «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ», «Подарокъ русскому солдату», народная повѣсть: «Лука да

[1]) Въ 1869 году изданы М. П. Погодинымъ «Письма русскаго офицера о войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Марья», «Добродѣтель и порокъ,—нравоучительная аллегорія», «Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія», въ 2 част., «Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ», «Мечтанія на берегахъ Волги», «Опыты священной поэзіи», «Опыты аллегорій», «Карелія, или заточеніе Мароы Ивановны Романовой», «О древностяхъ въ Тверской Кареліи», «Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина», «Очерки Бородинскаго сраженія», въ 2 час.

Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ изданы были сочиненія Ѳ. Н. Глинки: том. I, «Духовныя стихотворенія» 1869 г. Москва; т. II, «Таинственная Капля», народное преданіе въ 2 час. 1871 г. Москва. Ранѣе напечатаны были патріотическое стихотвореніе «Ура» 1854 г., «Іовъ», свободное подражаніе священной книги Іова, 1859 г. Вотъ перечень его сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ были изданы отдѣльно, другія печатались преимущественно въ Сынѣ Отечества и Соревнователѣ. Большою извѣстностію пользовались и теперь пользуются его стихотворенія на религіозныя темы. Они замѣчательны глубиною религіознаго чувства, одушевлявшаго поэта, и звучностію стиха, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ помѣщаются въ христоматіяхъ. Ѳедору же Николаевичу принадлежатъ стихотворныя переложенія псалмовъ. Его сочиненія изъ военнаго быта изобличаютъ въ авторѣ человѣка, проникнутаго высокимъ чувствомъ патріотизма.

Дозв. ценз. 6 Февраля 1890 г. Тверь. Типографія Губ. Правленія.

